

Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука*

Часть I

Два основных вопроса физикализма

Термин «физикализм» уже восемь десятилетий используется в англоязычной философии для обозначения материалистических позиций в философии сознания. Под влиянием мощных импульсов, идущих со стороны физических, биологических и компьютерных наук, физикализм сегодня приобрел доминирующее положение, став своего рода ортодоксией. Комментаторы даже говорят о чем-то вроде «физикалистского империализма» в этой области философского знания. Тем не менее, если обратиться к текстам авторов, работающих в этой материалистической традиции, мы не найдем здесь однозначного толкования смысла «физикализма».

Задача данной статьи состоит в том, чтобы прояснить этот смысл. Для этого мы представим краткую историко-философскую экспозицию смены физикалистских исследовательских программ и обозначим некоторые внутренние импульсы их самокорректировки. Собственно, это описание и будет ответом на вопрос «что такое физикализм?» Разумеется, представленная экспозиция неполная. В ней обозначены только некоторые, с нашей точки зрения знаковые для динамики физикалистских исследовательских программ теории (Р.Карнап, Б.Скиннер, У.Куайн, Г.Фейл, Дж.Дж.Смарт, Р.Рорти, Х.Патнэм, Д.Деннет, Д.Дэвидсон, П.Черчленд, Ф.Крик, Дж.Эдельман, Р.Пенроуз). При выборе материала мы руководствовались желанием нарисовать читателю прихотливую траекторию поисков ответа на вопрос «что такое сознание?», проследить зигзаги поисков

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 04–03–00123а.

объяснения тайны сознания средствами философии и средствами науки, и одновременно рассказать о противоречивой судьбе редукционистских методов. У статьи есть практическая цель — познакомить новичков (студентов и аспирантов) с основными доктринами и центральными понятиями философии сознания, с тем чтобы помочь им сориентироваться в запутанном лабиринте ведущихся в ней дискуссий. Хотелось бы предупредить читателя вот о чем: нарисованная нами панорама отражает реалии XX-го и самого начала XXI в., однако, как показывает характер публикуемой литературы, нынешняя ситуация стремительно меняется, и меняется быстрее, чем ее в состоянии комментировать историк философии.

Наш обзор лучше всего начать с пояснения терминов. Слово «физикализм» сегодня используется довольно свободно, часто синонимично со словом «материализм». В 1960–70-е гг. более популярным был термин «научный материализм», в последнее время предпочтение отдается термину «физикализм». И вот почему. Слово «научный материализм» вводит в заблуждение, поскольку предполагает, что его сторонники оперируют «твердыми фактами науки», в то время как на самом деле главным инструментом физикалистов является логической и концептуальный анализ.

В общей форме можно сказать, что сторонников физикализма роднят следующие установки: 1) отказ от декартовского раскола мира на *res extensa* и *res cogitas* и применение принципа простоты («бритвы Оккама») — не умножать без надобности сущности Вселенной; 2) стремление доказать встроенность сознания в монистическую (материальную и каузальную) картину мира, то есть установка на закрытость Вселенной; 3) вера в возможность обоснования единства знания. Однако как только дело доходит до конкретного толкования этих общих установок, начинаются разночтения, зачастую выливающиеся в альтернативные позиции (максимальный и минимальный физикализм, редуктивный и функционалистский физикализм, стандартный и аномальный физикализм, и др.).

Семантически термин «физикализм» указывает на тесную связь с физикой, на практике она относительна. Большинство именующих себя «физикалистами» авторов не занимаются философией физики или толкованием «физического» и воздерживаются от интерпретации внутренних проблем этой науки (есть, конечно, исключения). Чаще всего они ограничивают смысл физикализма тем, что, во-первых, приписывают физике *онтологический авторитет* — эта дисциплина выступает авторитетом относительно того, что есть в мире, а ее законы предполагаются истинными по отношению ко всем объектам в про-

странстве и времени; во-вторых, приписывают физике *эпистемологический авторитет*: физика выступает стандартом получения объективного знания о мире. Толкование, основанное на признании авторитета физики, но уклончивое в отношении собственно «физического», позволяет философам оставлять в стороне многие сложные вопросы о конкретной связи проблемы сознания с микрофизическими теориями. По большому счету физикализм — это стратегия объективизма, «экстернализма», интерсубъективности или, используя более ходовой в последнее время термин, взгляд «с позиции третьего лица».

Ситуация с «физикализмом» осложнена большим разбросом мнений относительно объекта, именуемого «сознанием», и области исследования, способной пролить на него свет. Под зонтиком «физикализма» выступают и те, кто связывает разгадку тайны сознания с философскими концептуальными подходами, и те, кто уповает на прогресс когнитивных наук, и те, кто возлагает надежды на открытия наук о мозге, и те, кто верит, что ответ придет с радикально новой физической интерпретацией «вещества» Вселенной. Не возражают против этого «лейбла» некоторые авторы, связывающие объяснение сознания с социолингвистической материей.

Физикализм, как он сложился в истории мысли прошлого, занимался двумя большими вопросами: природой мира и природой сознания. Они теснейшим образом взаимосвязаны, тем не менее их судьбы были разными. Первый (или первичный) вопрос об онтологии мира (его «веществе») с развитием атомной физики перекочевал в науку. В распоряжении философов остались главным образом эпистемологические вопросы — как мы воспринимаем физический мир, что следует принимать за фундамент знания, а также ряд логико-методологических аспектов глобальных вопросов структуры мира (детерминизм и случайность, пространство-время, и др.).

Второй (или вторичный) вопрос — о природе сознания — был прерогативой философии, во всяком случае до последнего времени. Наличие в феномене сознания природо-культурных компонентов, такие его качества, как феноменальность, интенциональность, самоактивность, свобода воли, моральность, ответственность, существенно ограничивали применение научных методов. Каким бы сильным не было давление когнитивных наук, нейробиологии, компьютерной психологии, физики, философии удавалось, пока удается, сохранять проблематику сознания в своей епархии.

Сразу же следует заметить (подробнее мы будем говорить об этом в разделе «Интервенция ученых. От тайны сознания к тайне материи»), что в последнее время, когда к дискуссиям о сознании под-

ключились ученые (физики, нейробиологи, математики), физикализм без апелляции к конкретным фактам науки вызывает серьезные нарекания. Ученые говорят, что умножение альтернативных философских концепций сознания и уменьшающаяся надежда на их консенсус свидетельствуют об исчерпанности философских средств и что настало время передать проблему сознания науке. В ответ философы обвиняют ученых в подмене общей проблемы сознания исследованием отдельных фактов, в склонности к некритическим глобальным и экстравагантным спекуляциям. Одним словом, к нынешнему времени сложились достаточно напряженные отношения между философскими и научными теориями сознания. Что не могло не сказаться на толковании терминов «физическое», «физика», «физикализм», «материализм», «натурализм», «монизм», «дуализм», и на применении этих «измов» к конкретным позициям.

Конечно, главная причина разнобоя кроется в том, что, несмотря на масштабность исследовательских усилий философов и ученых, феномен сознания ускользает от «схватывания» в определениях. Его тайна остается тайной. Отсюда увеличение количества недоуменных вопросов и многообразии гипотетических суждений. Сегодня не сложилось не только устоявшегося определения сознания, но даже приблизительного согласия относительно его генезиса, «архитектуры» и «фурнитуры». Все чаще высказывается мнение, что сознание — это не какое-то одно определенное свойство, а конгломерат очень разных, возникших на разных этапах эволюции свойств, требующих дифференцированных подходов. Есть когнитивные, информационные свойства, появившиеся в результате языково-культурной эволюции (именно они поддаются компьютерной симуляции), есть общие с животными свойства, являющиеся продуктом более долгой биологической эволюции, сопротивляющиеся компьютерной симуляции, а есть свойства, зависящие от индивидуальной личности (субъективность, уникальность опыта, память о прожитой жизни, воображение, творчество и др.). Поэтому охватить их в одном «сущностном» определении вряд ли возможно.

Историки философии знают, что интенции той или иной доктрины отчетливее высвечиваются в сопоставлении с оппонирующей ей доктриной. Традиционно физикализм (или материализм) противостоял идеализму и дуализму. Кто сегодня противостоит физикализму? В нынешней академической среде мало найдется адептов идеализма и субстанциалистского картезианского дуализма (как правило, это либо религиозные философы, либо персоналисты, трансценденталисты и т.п.). Значительно больше философов защи-

щают позицию, которую условно можно назвать неодуализмом: у него множество форм — «дуализм свойств», «онтологии субъективной реальности», эпифеноменализм, панпсихизм и др. Именно условно, поскольку имеются аномалии (по этой причине его иногда называют «аномальным дуализмом») и, как правило, хотя и не всегда, он носит натуралистический окрас, не позволяющий резко ограничивать его от материализма. Тем не менее у неодуализма есть «фамильное сходство». Его определяют три вещи: во-первых, феномен сознания относится к «сверхдобавке» к физическому; во-вторых, утверждается непреодолимая асимметрия свидетельства «от первого лица» и «свидетельства от третьего лица»; в-третьих, отвергаются скроенные по меркам естественных наук панобъективистские и редукционистские методы. В нашей статье мы постараемся показать, что эксплицитная или имплицитная полемика с неодуализмом (онтологией субъективной реальности) и толкование редукционизма (редукционистских методов науки) составляли существенную часть фона трансформаций физикалистских исследовательских программ.

История физикализма: смена исследовательских программ

Неопозитивизм: теория трансляции

Если обратиться к литературе до середины XX в., можно заметить, что сторонникам физикалистского монизма проблема сознания представлялась относительно простой: ее решение виделось на пути применения к ней работающих в науке объективных, прежде всего редукционистских, методов. Правда, редукция понималась по-разному. Софистичную — теоретическую — версию редукции предложили неопозитивисты (Р.Карнап, М.Шлик, и К.Гемпель). Ее острие было направлено против «радикального ментализма» с его посылкой о достоверности своего собственного сознания и возможности его исследования с помощью менталистских категорий: такое исследование, говорили они, не поддается рациональному обоснованию и порождает псевдопроблемы. В рамках своей главной задачи — обоснования возможности эмпирически удостоверяемого знания и на его основе единой науки — проблема сознания была одной из помех, для устранения которой была предложена особая стратегия — теоретическая редукция психологии к физике. Не прямолинейная редукция ментального к фактам нейрофизиологии, как ее мыслили механистические материалисты, а объективация сознания путем перевода (трансляции) психологических высказываний в высказывания о публично наблюдаемых фактах поведения: последнее делает возможным их ве-

рификацию по критерию истинности. Карнап писал: «Все предложения психологии описывают физические события, а именно, физическое поведение людей и животных. Это — подтезис главного тезиса физикализма, который сводится к тому, что физический язык является универсальным, то есть языком, на который может быть транслировано каждое предложение»¹. У Карнапа есть замечания, что к «физике» мира следует относить электроны и пространственно-временные точки («Логическая структура мира», 1928), однако он не вдавался в онтологию физической материи; он просто принимал на веру (как и современные физикалисты) авторитет физики относительно того, что есть в мире. Правда, с той важной инструменталистской оговоркой, что высказывания об электронах, точках и т.п. являются осмысленными каркасе той или иной физической теории, за его пределами они лишаются смысла.

Как выяснилось в последующих дискуссиях, данная редукционистская стратегия столкнулась с серьезным противоречием, поскольку апеллировала к протокольным высказываниям, фиксирующим наблюдения индивидов, несущих качественный, субъективный окрас. Иначе говоря, неопозитивисты околным путем приняли ту же посылку субъективности, что и критикуемые ими сторонники ментализма и психологизма. Но независимо от нереализованности многих их проектов, они укрепили антименталистскую традицию и задали многие векторы исследований, в том числе исследований связующих законов разных дисциплин (или, как их называют сегодня, «bridge laws»).

Психологический бихевиоризм: Б.Скиннер

Выдвинув идею трансляции психологии к физике, неопозитивисты, и Карнап в частности, делали серьезную ставку на предложенные в экспериментальной психологии объективистские методы описания сознательных актов. Наибольшее влияние на утверждение физикалистской традиции оказал Беррес Скиннер, предложивший объяснять интеллектуальные акты не в менталистских терминах «верований», «идей», «надежд», «чувств», «эмоций», «интенций», а на основе функционального и операционального описания поведения. То есть на основе установления причинно-следственных связей между реакциями организма на внешние стимулы и результирующими поведенческими актами. В представленной им схеме когнитивного процесса («стимулы — черный ящик — реакции») необъективируемый «ментальный» агент («черный ящик») был устранен из сферы исследования. Сознание — это система операций, для описания которых достаточен язык, применяемый для внешне фиксируемых фактов поведения. Философские спекуляции здесь неуместны. В работе

«О бихевиоризме» Скиннер писал, что «...полезнее гадать о генетической наследственности или истории наших условий жизни, нежели о чувствах, которые возникли в нас в результате их воздействия»². В наделавшей много шума книге «За пределами свободы и достоинства»³ он предложил освободить бихевиористскую науку не только от менталистских, но и моральных категорий, ибо в действительности качества свободы, достоинства и ответственности воспитываются социальным окружением и сложившейся в обществе традицией подкрепления и осуждения тех или иных актов.

Несмотря на критику тактики неопозитивистов и бихевиористов по объективации сознания, их стратегическая цель — недопущение удвоения реальности и обоснование единого знания и единой науки — не была отброшена: она продолжает оставаться мощным регулятивом в последующих формах физикализма. Бихевиористский подход тоже не был предан забвению: он получил разные толкования и применение.

Уилард Куайн: Физикализм

Весомую лепту в утверждение физикалистской и бихевиористской парадигмы в философии сознания внес Уилард Куайн. Он согласился со своим коллегой по Гарварду Б.Скиннером, что менталистские и интенциональные идиомы не поддаются рациональному обоснованию, хотя и по другой причине: содержащие интенциональные термины предложения невозможно транслировать на предложения физикалистского языка. Тезис неопозитивистов о сведении языка психологии к языку физики нереализуем; и вообще физикализм не обязательно связан с редукционизмом, скорее это «способ говорения», принимающий физические объекты за фундаментальные. Позиция Куайна такова: оптимальным объяснением сознания было бы нейрофизиологическое объяснение. Однако в нашем распоряжении нет какой-либо серьезной нейрофизиологической теории, способной это выполнить. Поэтому в качестве приемлемого варианта следует принять лингвистический бихевиоризм. Методологически, говорил он, бихевиоризм неустраим. Когда вы испытываете некоторое интроспективно фиксируемое ментальное состояние, «вам нужно выразить этот процесс в объективно верифицируемых и понятных терминах, поэтому вы должны обратиться к поведенческим критериям, чтобы сформулировать проблему, для решения которой вы собираетесь обратиться к нейрофизиологии»⁴. Конечно, происходящие в нервной системе процессы недоступны для наблюдения и далеко не все ментальные состояния проявляются во внешнем поведении, как полагал Скиннер, тем не менее предметом объективного анализа может быть только публично наблюдаемое поведение.

Вклад Куайна в развитие физикалистской традиции не ограничился утверждением лингвистического бихевиоризма. Его новации — отказ от дистинкции аналитического и синтетического, реабилитация онтологии, квалификация «натуралистической эпистемологии» как ветви эмпирической психологии имели далеко идущие последствия для англоязычной философии сознания. В частности, для утверждения натуралистического (и социологического) подхода к сознанию. Правда, Куайн сосредоточил внимание главным образом на показе логических ошибок «менталистских идиом» и достоинствах лингвистического бихевиоризма в их исправлении; тема сознание/тело была для него периферийной.

Л. Витгенштейн и Дж. Райл: логический бихевиоризм

Говоря о физикализме, нельзя пройти мимо взглядов Людвиг Витгенштейна и Джильберта Райла, хотя сами они отмежевались от этого течения. В 1940–50-х гг. лингвистический анализ был серьезным конкурентом натурализма. Эти философы выступали с критикой менталистской онтологии «души» и «приватности» сознания, но в то же время противились наступающей физикалистской волне. В «Философских исследованиях» (1953) Витгенштейн предложил другую стратегию объективизации сознания — через наблюдения употреблений естественного языка. Анализ употреблений показывает, что различия «сознание/тело», «приватное/публичное» являются не реальными проблемами, а удобными способами именования отношений. Поэтому проблема сознания «решается» не путем привлечения какой-то новой научной информации о мозге, редукции к чему-то материальному, а только «вглядываясь» в работу языка, в его разнообразные «игры», в поведение людей, где язык реализует интерсубъективную и коммуникативную функцию. Хотя Витгенштейна часто упрекают в «лингвистическом идеализме», его позицию скорее следует квалифицировать как социолингвистический материализм. Как и у Маркса, «материальной действительностью мысли» у него выступает язык. Главная максима социолингвистической парадигмы Витгенштейна — «границы языка являются границами мысли» — задала вектор дискуссиям о сознании, который дает о себе знать по сей день, в том числе и физикалистских концепциях.

Ограничение философской работы концептуальным и лингвистическим анализом и дистанцированность от науки были свойственны и Джильберту Райлу. Если для неопозитивистов, Куайна, Витгенштейна проблема сознания была периферийной, Райл посвятил ей книгу «Понятие сознания» (1949)⁵. Его аргументы против дуализма или представления о «Духе в Машине» существенно стимулировали

интерес философов к проблеме сознания. В целом, как и у Витгенштейна, его трактовка не выходила за рамки лингвистического анализа. Адекватное объяснение таких ментальных понятий, как верование, познание, ощущение, мышление, и всех связанных с ними проблем достигается не через интроспекцию, а через исследование контекста использования лингвистических форм. Предложенная им редукционистская процедура состояла в том, чтобы свести ментальные ощущения и переживания, к понятиям, описывающим поведенческие диспозиции и коммуникативные отношения людей. Язык — это не личное достояние индивида; он общезначим и интерсубъективен. Даже тогда, когда мы оказываемся наедине со своими мыслями, через медиум языка мы ведем разговор с другими.

Теория тождества: Герберт Фейгл и Дж.Дж. С্মарт

В возникшей в 1950–60-х гг. *теории тождества* тема «сознание/тело» была сфокусирована и превращена в центральную проблему, требующую как философского, так и научного анализа. В разных модификациях ее защищали Г.Фейгл, Дж.Дж.Смарт, Д.Армстронг, У.Плейс и другие авторы. Герберт Фейгл категорически не согласился с Витгенштейном и Райлом, что проблематика сознания порождена языковой путаницей: происходящее на практике смешение физических и феноменальных терминов вовсе не является основанием для отказа от анализа их специфики. Возникающая при признании наличия непосредственно осознаваемых «сырых чувств» опасность феноменализма и субъективизма (и закрытость для объективного анализа), по мнению Фейгла, преодолевается, если признать, что «сырые чувства» тождественны нейрофизиологическим процессам мозга⁶. Нет никакого логического противоречия, когда два разных термина, имеющих разное значение в двух различных языках, относятся к одному и тому же референту — объекту описания. Хотя термин «ментальное» семантически отличен от термина «телесное», оба они относятся к одному и тому же референту — нейрофизиологическим процессам мозга. Фейгл сам характеризует эту позицию не как редукцию, а как теорию «двойного познания»: познания в результате непосредственного знакомства и познания в результате объективного описания.

У Дж.Дж.Смarta более жесткие заявки в отношении феноменального. Тезис о тождестве невозможно защитить, не отказавшись от существования класса объектов, называемых ментальными и феноменальными, в том числе и от «сырых чувств»: в противном случае следует согласиться с удвоением реальности. «Описание всего на свете в терминах физики, за исключением факта ощущения, кажется мне

совершенно невероятным. Такие ощущения были бы ...«номологическими бездельниками... Человек представляет собой огромное скопление физических частиц, помимо них или над ними не существует ощущений и состояний сознания»⁷. Теоретики тождества подчеркивали, что философы должны внимательно относиться к сведениям ученых-нейрофизиологов о корреляциях сознания/мозга, хотя их собственная задача состоит в другом — в логическом и эпистемологическом прояснении понятий, с помощью которых интерпретируется эта корреляция.

Ориентированный на науку физикализм теории тождества существенно способствовал усилению натуралистического (и сциентистского) вектора в философии сознания. И в то же время у тезиса о тождестве было обнаружено много изъянов. Говорилось о логической неправомочности отождествления разных вещей, о том, что присущий этой теории редукционизм противоречил факту, что люди с одинаковыми мозгами мыслят по-разному.

Неопозитивисты и теоретики тождества в общем и целом ориентировались на теоретическую форму редукции, хорошо зарекомендовавшую себя в конкретных научных программах. Предполагалось также, что дисциплины, использующие языки и методологии разной степени сложности, в идеале сводимы к более низким уровням описания: скажем, язык психологии к языку биологии, химии — к физике и т.д. Эта классическая идея теоретической редукции была уязвимой и являлась мишенью критических атак, показывающих невозможность реализации точных методов редукции даже в химии и биологии, не говоря уже о социологии и психологии. В философии сознания критика теории тождества имела очень важные следствия; она вызвала к жизни множество теорий, объединенных стремлением объяснить феномен сознание объективно — «с позиции третьего лица», — но в то же время без редукции и потери его качественной специфики.

Функционализм

Наиболее сильной реакцией на теорию трансляции неопозитивистов и на тезис о тождестве физического и ментального явился функционализм. Это широкое течение в философии сознания возникло в 1960–70-х гг., оно существует и поныне. Замысел возникших в этом русле теорий — обойти редукционизм, применив к объяснению сознания функционалистский подход, оправдавший себя в социологии, биологии, компьютерных и других науках. Существует масса его вариантов: функционализм машины Тьюринга (Х. Патнэм), информационно-процессуальная теория AI (Д. Деннет), физикалист-

ский функционализм (С.Шумейкер), психофункционализм (Н.Блок), редуцирующий телеофункционализм (Ф.Дретчке), функционализм «языка мысли» (Дж.Фодор), нейрофизиологический функционализм (П.М.Черчленд), и др. Основная посылка функционализма состоит в следующем: виды ментальных состояний следует считать не какими-либо свойствами — материальными или идеальными, — а нейтральными функциональными состояниями. Они индивидуализированы не веществом носителя, а выполняемыми ими (каузальными) ролями. Антиредукционистский консенсус различных функционалистских теорий (вкуче с нейтрализмом) проявился в том, что ключевыми терминами здесь выступают не свойства — ментальные или физические, — а «реализация», «имплантация», «воплощение».

Хилари Патнэм: Функционализм машины Тьюринга

Пионером, применившим к объяснению сознания функционалистский подход и аналогию с «машиной Тьюринга», был Хилари Патнэм. В 1960 г. он опубликовал статью «Сознание и машины»⁸, за которой последовала серия статей, задавших новый вектор дискуссии о сознании. Им был представлен ряд аргументов, нацеленных показать, что как традиционный материализм, доказывающий, что все на свете является материальным, так и современные софистичные версии, вроде бихевиоризма, теорий Карнапа, Райла и теории тождества, основаны на логических и концептуальных ошибках. Предложенный им новый подход состоял в следующем: виды ментальных состояний следует считать не какими-либо свойствами — материальными или идеальными, а *нейтральными* функциональными состояниями, аналогичными логическим состояниям машины Тьюринга. Для их исследования должна применяться не сущностная методология классического редуционизма, а безотносительная к «веществу» реляционная методология, то есть направленная на исследование каузальных отношений логических состояний в их взаимодействии с физическими и поведенческими состояниями. При таком подходе теряет смысл и оппозиция «сознание-тело», и альтернатива «материализм-дуализм». Одно из важнейших следствий функционализма машины Тьюринга — идея *множественной реализации функций* и возможность изоморфизма систем, имеющих разные свойства и структуру. «Две системы могут иметь самые различные конституции и быть функционально изоморфными: например, компьютер, сделанный из электрических компонентов, может быть изоморфным компьютеру, сделанному из колес и зубцов»⁹. Для реализации функциональных логических состояний не имеет значения характер физического носителя. Они могут реализовываться и в

компьютере, и в человеке, использующем карандаш и бумагу. Обладая функционирующим сознанием, «мы являемся машинами Тьюринга», писал он. Это означает, что логически правомерно говорить и о сознательности компьютера.

Дэниел Деннет: «Процессуально-информационная модель AI»

Превращение в объект исследования каузальных отношений логических состояний и использование компьютерных моделей — один из отличительных «брендов» стратегии функционалистов. Этот «бренд» характерен и для концепции сознания Дэниела Деннета, которую сам он называет «процессуально-информационная модель AI» или когнитивизмом. Отношение сознания к мозгу он сравнивает с отношением «мягкой» программы компьютера к его «жесткой» программе, а оптимальным языком описания мыслительной деятельности считает не ментальный или физический, а нейтральный компьютерный язык. Для компьютерного функционализма основным препятствием является наличие субъективных квалиа, которые не являются «логическими состояниями» и не поддаются компьютеризации (это прекрасно понимал и Патнэм в 1960 г.). В книге «Сознание объясненное» (1991) Деннет сделал более радикальные выводы в отношении квалиа: «Некоторые “очевидные” черты феноменологии вообще не являются реальными: не существует заполняемости воображения; не существует внутренних квалиа; не существует центрального источника значения и действия, не существует магического места, где происходит понимание. Картезианского Театра в действительности не существует...»¹⁰. То есть сознание отождествляется только с когнитивной (информационной) компонентой (пропозициональными суждениями), а феноменальная компонента — качественная, субъективная определенность опыта сознания (квалиа) — элиминируется из теоретического его описания. Интенциональность сохраняется, но не в виде внутреннего атрибута сознания, как это было у Брентано, а как внешняя прагматическая установка в оценке поведения объекта. Без этих операций, настаивает он, дуализм непреодолим. Особенность позиции Деннета, отличающая его от других функционалистов, состоит в том, что он поставил перед собой трудную задачу объяснить сознание на основе диалектики биологического и социального. Она реализуется путем симбиоза абстрактной «машины Тьюринга» с абстрактной «машиной Дарвина»: и там, и здесь, говорит он, имеют место автономно протекающие информационные процессы. То же самое происходит в логической «машине Сознания», когда «мысли сами себя мыслят». Несмотря на широкое использование компьютерных метафор и аналогий, функционализм Деннета

имеет не столько физический, сколько социобиологический окрас. Человеческое сознание — прежде всего конструкция языка и культуры, сравнительно недавно появившаяся эволюционная инновация, которая в форме «мем-вирусов» (этот термин, означающий единицы культуры, он заимствовал у социобиолога Р.Докинса) накладыва-ется на биологию мозга обучением в раннем детстве. Поэтому редуцировать сознание только к нейрофизиологии мозга невозможно, пропадает культурно-информационная детерминанта. Как невозможно объяснить работу программы компьютера, редуцируя ее к материалам, из которых он сделан.

Претензия на нейтралитет не спасает функционализм от критических для него вопросов: можно ли понимать «функцию» в отрыве от свойств носителей, в которых она реализуется? Не происходит ли на самом деле редукции сознания к функциям? Можно ли мыслить сознание без квалиа? По мнению защитника «онтологии субъективной реальности» Джона Серля, функционализм есть уловка, создающую видимость нередуктивности. У Деннета, например, сознание сведено к когнитивным информационным процессам (в человеке или компьютере) за счет лишения самого главного его свойства — осознанности, то есть ощущения человеком себя как живого и чувствующего существа. Преодоление дуализма за счет контринтуитивной элиминации ощущений, не есть его устранение.

Элиминативизм

Говоря о физикализме, нельзя пройти мимо элиминативизма. К сторонникам этой позиции обычно относят П.Фейерабенда, Р.Рорти, П.Черчленда — авторов, применяющих разные теоретико-методологические средства. Объединяет их главный тезис: сознание в нашем обычном субъективном представлении — это кажимость, скрывающая совершенно другие процессы. Эта кажущаяся реальность должна быть элиминирована из языка теоретического описания, подобно тому, как из науки были элиминированы понятия дьявольских сил, флогистона, представление о болезнях, как наказаний за грехи, и т.п.

Р.Рорти: лингвистический бихевиоризм

Элиминативизм Ричарда Рорти базируется на лингвистическом бихевиоризме Витгенштейна и его максиме «границы языка являются границами мысли». Как и Дэвидсон, он считает, что сфера исследования сознания — это языковые коммуникации людей. Признаком адекватной объяснительной стратегии является прагматическая эффективность — возможность контроля и предсказания поведения объектов. Когда вы объяснили все реляционные свойства, имеющиеся у какого-то объекта, все его причины и все следствия, говорит он,

значит, вы объяснили этот объект¹¹. Сказанное относится и к сознанию. Однако при этом не следует забывать, что мы всегда имеем дело с языковыми конструкциями и их играми, а не с реальностью. Каузальная обусловленность интеллектуальной деятельности процессами мозга очевидна, однако сомнительно, что с помощью когнитивных наук или биологии, как это полагают некоторые физикалисты, можно создать теорию сознания с предсказательными функциями. «Витгенштейнианцы, говорит он, такие же хорошие физикалисты, как и карнапианцы... *Они только* сомневаются в существовании значимого исследовательского уровня, находящегося между фолк-психологией и нейрофизиологией, т.е. в том, что правильное управление нейронами будет облегчено с открытием “психологически реально-го”»¹². Люди, надеющиеся на такое открытие, обманывают себя. «Явления», которые мы пытаемся объяснить себе, «всегда находятся в соотношении с языком», и поэтому ключ к пониманию находится в простой истине, что сознание «есть дело лингвистическое», и все наши теории, в том числе и научные, являются инструментами, конструкциями культуры, а не репрезентациями реальности как таковой.

Пол Черчленд: Нейрофизиологический элиминативизм

Если элиминативизм Рорти строится в канонах социолингвистической парадигмы, Пол Черчленд защищает нейрофизиологический его вариант и работает в рамках натуралистической парадигмы¹³. Теоретически значимые гипотезы о сознании, убежден он, должны в первую очередь опираться на эмпирические исследования экспериментальной психологии и нейронауки. Социальный институт языка, к которому апеллирует Рорти и другие последователи Витгенштейна, не имеет никакого отношения к генезису сознания: это слишком поздняя система в сравнении с базисной животной психикой. Характерный для Деннета компьютерный поход к сознанию тоже уводит в сторону: мозги животных и людей не являются машинами фон Неймана. Мысль о создании какой-то гениальной компьютерной программы, имитирующей человеческое сознание и мышление, утопична. Сознательный интеллект не есть определенная сущность, которую можно открыть и выразить в одной программе. В нем переплетено бесчисленное множество информационных систем и операций, создававшимися миллиардами лет эволюции, составляющих сам феномен жизни. Ключ к пониманию специфической ткани когнитивности, обобщенно именуемой «сознанием», по мысли Черчленда, следует искать в динамических свойствах биологических нейронных сетей с высоко частотной физической архитектурой — архитектурой, которая репрезентирует базисные («hardware») структуры, присущий

мозгам всех животных, а не только уникальные структуры («software») черты человеческих мозгов¹⁴. Считая наиболее перспективным нейронаучный подход, который, как он полагает, будет субстанциально интегрироваться в рамки физической науки, Черчленд далек от того, чтобы видеть в прогрессе нынешней науки близкий подступ к исчерпывающему объяснению «фабрики» человека. По той веской причине, что феномены, создававшиеся миллиардами лет эволюции и выраженные в бесконечном разнообразии химических, физических биологических и других процессов, вряд ли возможно вообще имитировать.

На протяжении многих десятилетий апеллирующий к будущей нейрофизиологии (или «обещающий») материализм Черчленда подвергался острой критике. Однако, по мере усиления тенденции к натурализации и сциентизации философии сознания, этот вариант физикализма оказался достаточно устойчивым и в какой-то мере подготовил философскую почву для подключения ученых-нейробиологов к дискуссиям о сознании.

Дональд Дэвидсон: «Аномальный монизм»

Для всякой монистической физикалистской системы основополагающим является принцип детерминизма (каузальной закрытости). Базирующиеся на детерминизме концепции сознания сталкиваются с двумя болевыми вопросами. Первый — представить каузальное объяснение свободного, интенционального действия, например, когда я принимаю волевое решение поднять руку, а затем совершаю акт по ее поднятию; второй — объяснить возможность каузального (законосообразного) психофизического взаимодействия сознания и мозга, проще говоря, установить тип связи биологической материи мозга с мыслительным содержанием. Трудности, с которым столкнулись и первый (неопозитивистский), и последующие формы физикализма по выявлению связующих законов («bridge laws») между явлениями разного уровня (мозгом и мыслью), а также между разными дисциплинарными областями (психологией, социологией, химией, физикой) заставили его приверженцев смягчать детерминизм и искать более гибкие варианты объяснения и свободному волевому акту, и психофизическому взаимодействию, и дисциплинарным связям. Один из этих вариантов — аномальный монизм Дональда Дэвидсона.

Стратегию объяснения сознания на основе исследования процессов мозга Дэвидсон считает неперспективной. «Утверждая, что все события являются физическими, аномальный монизм сходен с материализмом, однако он отвергает тезис, обычно считающийся существенным для материализма, а именно, что ментальным фено-

менам могут быть даны чисто физические объяснения»¹⁵. Стихия сознания другая — это язык, социум и коммуникация. Последние понимаются не как репрезенты находящейся внутри мозга внутренней реальности, а как творение самого сознания. «Базисом объективности является intersубъективность»¹⁶, проявляющаяся в языковом общении.

Дэвидсон поставил перед собой задачу скорректировать материализм в сторону смягчения его наиболее жестких требований: доказать совместимость его принципов с особым статусом ментального, детерминизма со свободой воли, психофизической интеракции без подведения ее под строгий закон, материалистической метафизики без идеала единой науки. Для этого он предложил пересмотреть старую схему каузальности. Пересмотр сводится к показу совместимости двух принципов: каузального взаимодействия и номологического характера каузальности с третьим принципом — аномальности ментального.

Дэвидсон утверждает, что между ментальными и физическими событиями существуют каузальные отношения, а все каузальные отношения включают в себя существование некоторого закона природы. Однако, поскольку связь физических и ментальных событий невозможно подвести ни под один естественно-научный закон, эту связь следует просто принять за естественную аномалию. Про ментальные свойства можно сказать следующее: они *супервентны* по отношению к физическим свойствам¹⁷. Два существа не могут иметь идентичные физические свойства и в то же время отличаться ментальными свойствами. Обратный тезис является ложным. «Такая супервентность могла бы означать, ... что объект не может изменяться в некотором ментальном отношении, не изменяясь в некотором физическом отношении. Зависимость или супервентность такого рода не влечет за собой редуцируемости через закон или дефиницию: если бы это было возможно сделать, мы могли бы свести моральные свойства к дескриптивному, однако есть веские основания, что мы не можем это сделать»¹⁸.

В целом представленный Дэвидсоном проект снятия болевых проблем материализма ограничивался концептуальным анализом и был выполнен в рамках социолингвистической парадигмы. Многим натуралистически ориентированным философам он показался неубедительным. Тем не менее его идеи «аномального монизма» и супервентности оказались работоспособными. Впоследствии термин «супервентность» был взят на вооружение философами сознания и когнитивными учеными для объяснения особого типа психофизической

связи, когда психическое следует за физическим, сопрягается с ним, но не сводится к тем или иным конкретным процессам мозга¹⁹. Супервентность является более слабым утверждением, нежели редукция, поскольку в этом случае нет претензии на сведение конкретных ментальных событий к нементальным процессам. Он получил разное — «сильное» и «слабое» — толкование в зависимости от ответа на главный вопрос, какой характер **связи** имеется в виду, когда говорят об отношении супервентности: является ли она логической, физической, необходимой, законосообразной и т.д. Некоторые философы (Д.Ким, Д.Чэлмерс) считают его ключевым в понимании сознания. Многие сопрягают супервентность с идеями эмерджентной эволюции и многоуровневым строением мира.

Против введения супервентности в объяснительные схемы были высказаны следующие возражения: мы в состоянии объяснить следование одного физического явления за другим, приведя все необходимые каузальные и функциональные условия, однако в отношении сознания мы не можем это сделать, поскольку ментальный акт предполагает наличие в нем субъективной точки зрения, которая входит в само понимание ментального (Т.Нагель). Некоторые авторы не видят оснований вводить понятие «супервентность» и делать из него «последнее убежище современного физикализма», поскольку для него нет никакой эмпирической очевидности: два человека могут иметь одни и те же внутренние физические состояния, но еще не факт, что их верования будут одинаковыми (Д.Меллор и Т.Крейн, Д.Серль).

Строго говоря, признание аномальности ставит под вопрос основополагающий для физикалистского монизма принцип детерминизма и выводит на глобальную метафизическую проблему индетерминизма и случайности. Понимается ли под физикализмом «каузальная закрытость» физического мира, то есть положение, что все, о чем может быть сказано как о существующем, может быть только физическим и подчиняться законам физики? Или физическая система все же «открыта», говоря словами Поппера, для индетерминистских, непредсказуемых, случайных, эмерджентных явлений? Должны ли мы говорить, что содержание физикализма исчерпывается физикой наших дней, или физикализм имеет в виду какую-то будущую идеальную физику? А если физика будущего найдет внутри себя место ментальному и особым нестандартным законам, связывающим физическое и психическое, не будет ли это означать психологизацию физического?

Интервенция ученых. От тайны сознания к тайне материи

Несмотря на то, что у физикализма больше вопросов, чем ответов, а критика оппонентов подчас выглядит более обстоятельной, нежели получаемые ответы, идеалы монизма, единой науки и вера в эффективность редукционистской методологии не исчезают из теоретического арсенала пишущих о сознании авторов.

Усугублению драматизма вокруг тайны сознания немало способствовало вторжение в эту область ученых. Еще сравнительно недавно мало кто из них интересовался ею (исключениями являются У.Пенфильд, Р.Сперри, Дж.Экклз). В последние два десятилетия появилось множество работ физиков, математиков, специалистов по нейробиологии, в названии которых фигурирует термин «сознание». Многие ученые предпочитают не вдаваться в споры философов. Ограниченные методологические инструменты концептуальным и лингвистическим анализом и боязнь выхода к эмпирическим фактам науки, считают они, делают эти споры малопродуктивными. Нужны принципиально новые перспективы и когнитивные средства. При этом специалисты разных дисциплин — нейробиологи или физики — ищут эти перспективы, базируясь на материале и методологии их собственных наук, в результате чего они оказываются разными. Хотя эти теории не являются в строгом смысле философскими, мы кратко рисуем их с тем, чтобы читатель получил представление о новом витке в дискуссиях о сознании и о складывающемся напряжении между философией и наукой.

Фрэнсис Крик: «Удивительная гипотеза»

Говоря об интересе ученых к феномену сознания, в первую очередь следует отметить работы в области нейронаук. В 1994 г. вышла вызвавшая широкий резонанс книга Фрэнсиса Крика «Удивительная гипотеза. Научный поиск души»²⁰. Крик настроен скептически по отношению к философам и философии вообще, считая непродуктивными их абстрактные рассуждения. Получивший Нобелевскую премию за расшифровку ДНК (совместо с Дж.Уотсоном и М.Уилкинс), он поставил перед собой следующую задачу: расшифровать природу сознания на основе конкретных фактов работы мозга. По большому счету его волнует не вопрос «что такое сознание?», а как мозг производит его. Он говорит: «“Вы”, ваши радости и печали, ваши воспоминания и амбиции, ваше чувство личностной тождественности и свободы воли в действительности не большее, нежели поведение огромного сообщества нервных клеток и их взаимодействующих молекул»²¹. Больше всего Крика занимает вопрос,

каков характер структур и закономерностей, обеспечивающих единство сознательного акта («the binding problem»). Почему получаемые мозгом очень разные стимулы оказываются связанными между собой таким образом, что в итоге продуцируют унифицированный опыт, например образ идущего кота. Именно в характере связей мозга, считает он, следует искать объяснение феномена сознания. «Удивительная гипотеза», собственно, состоит в том, что ключом к пониманию природы сознания и его феноменологических характеристик, возможно, являются фиксируемые в опытах синхронизированные всплески нейронов в диапазоне от 35 до 70 герц в сетях, связывающих таламус с корой головного мозга.

Естественно, что и философы, и когнитивные ученые усомнились, что на основе колебаний нервных волокон, возможно, действительно связанных с проявлением феноменальных черт опыта, можно строить гипотезы о природе сознания.

Джералд Эдельман: Модель «сознания высшего уровня»

Не меньший резонанс среди философов и ученых вызвала нейробиологическая теория сознания Джералда Эдельмана. Его перу принадлежит серия книг, нацеленных на создание глобальной теории мозга, связывающей нейробиологию с физикой и эволюционной биологией²². Как и Крика, его интересует не столько вопрос, *что* такое сознание, сколько *как* оно производится. Оставив в стороне метафизические вопросы, он выдвинул ряд гипотез, как он пишет, с учетом имеющихся твердых эмпирических фактов. В последней книге «Ясный воздух, прекрасный огонь. О делах сознания» (1992), он, базируясь на дарвинизме и идее эмерджентной эволюции, выдвинул идею о решающей роли адаптационных и селекционных механизмов *каждого* индивидуального мозга в ответ на воздействия среды. Один из его главных выводов состоит в том, что мозг является не обучающимся, а селекционным механизмом; его развитие происходит не благодаря изменениям в фиксированном наборе нейронов, а под влиянием процессов селекции, элиминирующих одни нейронные группы и усиливающие другие. К первичным характеристикам сознания он относит повтор изображений, категоризацию, обучение, память, различение между самостью и несамостью и др. Его модель «сознания высшего уровня» строится на предположении о предварительной лингвистической, «категориальной», обработке чувственной информации при поступлении ее в память. Именно в процессе обработки создается чувство прошлого и будущего, возможность самосознания и самоидентификации самости.

Критики высоко оценивают обстоятельность проделанной им работы и неординарность выдвинутых гипотез. В то же время отмечают, что остается не ясным, где и на каком уровне возникает сознание и, самое главное, каким образом на основе нейрофизической теории можно объяснить качественную определенность опыта (квалиа). Серль, например, считает, что ни Крик, ни Эдельман не понимают, что никакое научное (каузальное) объяснение производства сознания мозгом еще не обнаруживает сознание, поскольку в нем пропадает само сознание, та субъективная реальность, которая делает человека индивидом²³.

Конкурентами нейробиологов в раскрытии тайны сознания являются физики, предлагающие существенно иные перспективы и стратегии. Одна из главных их посылок состоит в том, что нельзя заниматься сознанием, не имея всеохватывающего представления о «веществе» мира, ибо загадки сознания теснейшим образом связаны с загадками материи. Онтологию сознания следует строить, апеллируя непосредственно к физическим теориям, а не к частичным нейрофизиологическим открытиям, а тем более умозрительным конструкциям философов. Философские теории сознания страдают от фундаментального порока — они логически несовместимы с наиболее подтвержденной теорией из всех, когда-либо имевшихся в распоряжении человека, а именно, с квантовой механикой. За исключением нескольких авторов, к ним относятся Майкл Локвуд (1989) и Дэвид Чэлмерс (1996), большинство философов, в том числе называющих себя физикалистами, рассуждают о сознании/мозге таким образом, будто квантовой механики вообще не существует или она совершенно irrelevantна этой тематике.

Пересмотр роли физики в объяснении сознания должен идти в следующем направлении: признать за философскими (не-квантовыми) теориями сознания прагматическую ценность на уровне повседневности и в приблизительном предсказании сознательных актов. Но с точки зрения онтологического реализма считать философские гипотезы ложными, точно так же как мы признаем онтологически ложными объяснения «фолк-физики» в сравнении с объяснениями на базе квантовой физики. Все эти предлагаемые физиками новые перспективы так или иначе сопряжены с реабилитацией физического редукционизма.

Надежды на новые перспективы разделяют и некоторые философы. Они полагают, что переход к квантовой когнитивной науке ломает привычные стереотипы мышления, лишит смысла оппо-

зиции «физическое-ментальное», «субъективное-объективное», «монизм-дуализм» и в целом расчистит дорогу для радикально новых подходов к сознанию²⁴.

Роджер Пенроуз: «Физицизм», платонизм, панпсихизм

Говоря о предлагаемых физиками перспективах, в первую очередь следует назвать вызвавшие большой резонанс (и острую полемику) книги математика, физика-теоретика и космолога Роджера Пенроуза²⁵. Поскольку три его книги («Новый ум кроля: О компьютерах, мышлении и законах физики», М., 2003; «Тени разума», а также «Большое, малое и человеческий разум», М., 2004) сравнительно недавно опубликованы на русском языке и уже стали предметом обсуждения в российской аудитории, мы скажем о концепции Пенроуза и последующей критической реакции на нее немного подробнее.

Пенроуз занимает твердую сциентистскую установку, которую некоторые комментаторы предлагает именовать «физицизмом», а не физикализмом. Мы не имеем права рассуждать о мозге и сознании, говорит он, игнорируя два фундаментальных интеллектуальных достижения XX века — квантовую механику и теорему Геделя. Гедель показал, что в математических системах имеются истинные высказывания, недоказуемые в рамках этих систем. Данный тезис играет решающую роль в логических и метафизических построениях Пенроуза. Он отвергает любые стратегии объяснения сознания на основе аналогий с компьютерами (как «сильный AI», так и «слабый AI»). Его аргумент таков: в осознанном человеческом мышлении и поведении существуют некоторые алгоритмические сферы (они выражены теоремой Геделя), принципиально не поддающиеся «вычислимости» и симуляции алгоритмически работающим компьютером. Развивая один из вариантов квантовой версии физикализма, Пенроуз высказывает следующую гипотезу: неалгоритмический характер процессов сознания, возможно, связан с объективным коллапсом волновых функций макроскопических переменных. Существует макроскопическая квантовая когерентность на субнейронном уровне, точнее, в микротрубках цитоскелета, которые на границах клеток играют организующую роль в работе нейронов, определяя конечное состояние ансамбля нейронов. Главный ключ к пониманию сознания он видит в создании революционной теории, основанной на новом — некомпьютерном — типе квантовой механики, которая как-то примирит квантовую теорию с теорией относительности, объяснит гравитацию, физику нейрофизиологических процессов, и на этой основе объяснит феномен сознания.

Для историка, прослеживающего историю современных дискуссий о сознании, Пенроуз интересен тем, что он не ограничился физическими гипотезами о процессах мозга, ответственных за квантово-волновой коллапс «вспышки» сознания. В совокупности эти гипотезы образуют классическую метафизику, рисующую унифицированную (монистическую) картину бытия, в которую сознание включено не как индивидуальное, а как глобальное свойство. В основе рисуемой им метафизической картины лежат законы физики, к которым должны быть сведены законы всех других дисциплин, в том числе биологии и психологии.

Глобальные физикалистские системы, как показывает история, обычно подпитываются математикой, истолкование которой чревато платонизмом. Физический мир у Пенроуза ведет себя в соответствии с законами математики; последние представляют собой вневременный платоновский мир идей, абсолютов и математических истин. «Многие физики и математики, — говорит он, — (в число которых он относит и себя), предпочли бы считать физический мир порождением “вневременного” математического мира идей»²⁶. Рисуемая им картина реальности состоит из трех «миров»: физического, ментального и математического. Каждый мир выступает основой для следующего в бесконечном замкнутом кругу: физический мир составляет основу ментального мира, который, в свою очередь, составляет основу математического мира, а математический мир составляет основу физического, и так далее по этому кругу. В отличие от Поппера, у которого в трехчленной схеме реальности мир 3 был миром культуры, Пенроуз заменяет его «платоническим миром».

Интересно следующее: в отличие от физикалистов-элиминативистов Пенроуз не освобождает реальность от ментального, толкуя ее в духе панпсихизма. Ориентируясь на идею некомпьютерной физики он не видит весомых контраргументов против предположения, что некая ментальность является онтологически фундаментальным свойством Вселенной. «Мне представляется несомненным, что с каждым проявлением операции OR (объективной редукции. — *Н.Ю.*) должна быть связана какая-то протоментальность, однако она является в каком-то смысле “крошечной”»²⁷. Как и философ Дэвид Чэлмерс, он прячет эту протоментальность во внутренние свойства самой материи. «Будем ли мы по-прежнему считать наш мир физически обоснованным, если вдруг выяснится, что где-то на фундаментальном уровне он содержит элементы протоментальности?» Его ответ таков: «Этот вопрос относится скорее к терминологии, однако, по крайней мере в данный момент, мысль о такой возможности дает мне ощущение счастья»²⁸.

Концепция Пенроуза вызвала бурную, в том числе критическую, реакцию ученых. Разумеется, философы тоже не остались в долгу. Однако далеко не у всех квалификация позволила вступить в полемику с Пенроузом, оперирующим специальным знанием физики, математики, нейрофизиологии. Среди не побоявшихся это сделать известные философы Хилари Патнэм²⁹, Дэвид Чэлмерс, Джон Серль. Чэлмерс, например, категорически не согласился ни с его толкованием теоремы Геделя, ни с негативизмом к аналогиям сознания с компьютером, ни с возвычением роли квантовой механики и умалением роли философии в объяснении сознания. Несмотря на поразительные предсказания эмпирических фактов с помощью квантовой механики, говорит он, в образующих ее теориях нет и намека на консенсус в ответе на вопрос, чем в действительности является наш мир. У Чэлмерса другое предположение: поскольку сегодня квантовая механика не в состоянии пролить свет на тайну сознания, возможно, именно новый философский взгляд на сознание поможет разобраться с трудностями квантовой механики. В частности, он полагает, что разработанная им самим теория сознания смягчит «коллапс волновой теории»³⁰.

Развернутая критика концепции Пенроуза содержится в книге Серля «Тайна сознания» (1997). Серль упрекает Пенроуза за добавление к двум тайнам — тайне сознания и тайне квантовой механики — третьей тайны, неведомой никому некомпьютерной квантовой механики, которой надлежит объяснить гравитацию, а заодно и сознание. Подход к объяснению сознания на основе одной из интерпретаций теоремы Геделя, при отрицании значимости компьютерного моделирования, он считает в высшей степени рискованным, ибо есть и другие интерпретации той же теоремы Геделя. Хотя Серль известен своей критикой «сильного AI», согласно которому сознание сводится к компьютерным процессам, он не отрицает вариант «слабого AI» — способность компьютера симулировать обуславливающие сознание причинные процессы мозга, хотя это не гарантирует сознание как осознанность. Что касается круговой метафизики трех миров Пенроуза, то этот «самопровозглашенный платонизм», говорит Серль, «не дает когерентного объяснения, что же представляют собой отношения этих основ, и как предположительно они работают»³¹. Из его концепции «вы можете узнать многое о теореме Геделя и о квантовой механике. Однако вы мало что узнаете о сознании»³². Смело ринувшись в пучину окружающих феномен сознания вопросов, ученые, в том числе Пенроуз, в своих гипотетических построениях ос-

тавляют уязвимые места в силу недооценки значимости критической философской рефлексии — созданного в истории мысли фильтра, отсеивающего фантазии от реальности.

Физикалист Д.Деннет, оппонент Джона Серля в понимании сознания, солидарен с ним в этой оценке: он обращает внимание на самонадеянность ученых, на допущение грубых философских ошибок. Отпускает едкие замечания по поводу методологических заблуждений нейрофизиологов, ищущих в мозгу ответственный за сознание «главный нейрон», точно фиксируемые нейронные сети (он называет их «картезианскими материалистами»), или физиков, занятых поиском сознания в индетерминистских и иных явлениях квантовой механики. Все эти поиски, считает он, заранее обречены на провал, поскольку объяснение сознания в терминах любых физических процессов (нейрофизиологии, квантовых коллапсов, битов информации) всегда существенно неполно: упускается главное — содержательный, когнитивный аспект сознания, как мысли себя мыслят в языково-культурной среде.

Полемика философов и ученых по поводу подходов исследования сознания не могла не выйти на старую метафилософскую и культурологическую тему об отношении философии и науки.

Часть 2

Итоги физикалистского движения: размышления историка философии

Тайна сознания остается тайной?

Какие выводы можно сделать из нашего краткого обзора истории физикалистского движения последних 80 лет? При внешнем наблюдении бросается в глаза прежде всего его динамизм, напряженность и конфликтность: идет непрерывная конкуренция идей, стратегий, методов. Неудачи тех или иных исследовательских программ не охлаждают исследовательский азарт, скорее наоборот, стимулируют испытание новых, подчас необычных, проектов и стратегий. Естественным следствием соревновательности, конечно, является плюрализация физикалистской диаспоры. Сегодня она представляет собой переплетенный клубок всевозможных альтернативных теорий и «измов», находящихся в очень сложных взаимоотношениях друг с другом.

В нашем кратком обзоре физикалистских атак на «бастион сознания» мы обозначили «измами» ряд основных стратегий: психологический бихевиоризм, теория трансляции, лингвистический бихевиоризм, логический бихевиоризм; теория тождества, функционализм логических состояний, элиминативизм, аномальный монизм. Приведены также примеры подходов к сознанию, предложенных учеными — нейробиологами и физиками (Крик, Эдельман, Пенроуз).

Возникает вопрос: какие уроки извлечены из смены (или неудач) разных стратегий? Какие темы оказались стержневыми, а какие проблемы самыми трудными? Что сохранилось в арсенале физикалистской традиции как существенно важное? Можно ли говорить о прогрессе в физикалистском объяснении сознания и эффективных результатах? Какие последствия может иметь вторжение ученых для философии сознания? Ответы на эти вопросы требуют обращения к живым дискуссиям наших дней. Мы отметим только некоторые моменты или тенденции, проявившиеся в истории восьми десятилетий физикалистского движения.

Всякий, взявший на себя труд сопоставления начальных интенций физикалистского движения с его современным состоянием, не может не заметить изменения в психологическом отношении к проблеме сознания. Один из уроков, извлеченных из неудач применения разных стратегий, выражен фразой, которой начинаются многие книги последних лет: «к сознанию следует относиться серьезно». Это означает принять факт, что феномен сознания оказался гораздо сложнее, нежели это представлялось ранее. Что на самом деле это не одно какое-то свойство, которое может быть однажды открыто и внесено в список решенных проблем, а конгломерат свойств, требующих для их объяснения, возможно, применения разных дисциплинарных методологий, а возможно, принципиально нового знания, если загадки сознания действительно теснейшим образом связаны с загадками материи.

«Твердыми орешками» оказались практически все аспекты, относящиеся к генезису, «фурнитуре» и «архитектуре» сознания: из чего «произрастает» сознание, качественная или феноменальная определенность сознания (квалиа), интенциональность, психофизическое взаимодействие; соотношение феноменальных и когнитивно-информационных компонентов; источники значения (откуда самоактивность самости и творчество смыслов?); статус идеального, диалектика языка и сознания; свобода воли, субъективность, личностное, моральная ответственность. И, конечно, самый трудный — глобальный — вопрос о взаимодействии биологического и социального. Хотя многие авторы

предпочитают обходить его, имплицитно он определяет горизонт их стратегий. С нашей точки зрения, это камень преткновения, о который разбиваются самые изощренные проекты. Не только философские, но и научные. Создав искусственный интеллект, расшифровав структуру ДНК, клонировав овечку Долли, научившись исследовать те или иные проявления сознания с помощью хирургического и химического вмешательства в мозг, наука показала свою мощь. Но объяснить, как из живой материи мозга «выскакивают» не подчиняющиеся законам материи смыслы и языковые значения и как в опыте творятся субъективные квалиа, она не в состоянии.

Было бы неверно утверждать, что перед лицом стойкости «бастиона сознания» физикалистская атака на дуализм захлебнулась. Скорее наоборот, ее фронт существенно расширился, однако она не вылилась в консенсус ни в отношении природы сознания, ни в отношении путей исследования. Царящее сегодня в философии сознания настроение растерянности очень хорошо выразил Майкл Локвуд, физикалист и оптимист, наблюдающий это движение изнутри. Приведем длинную цитату из его статьи. «Очевидно, пишет он, что никакое релевантное описание деятельности мозга на имеющихся в нашем распоряжении языках физики, физиологии, или в форме функциональных и компутационных ролей, даже отдаленно не в состоянии схватить то, что является специфичным для сознания. Дефектность всех предлагаемых сегодня редукционистских программ до такой степени бросается в глаза, что трудно поверить, что философски подготовленный и отстраненно вззирающий на эти программы человек хоть на момент примет их всерьез. Разве только исходя из глубинного убеждения, что современная физическая наука своими средствами существенно фиксирует реальность, и, соответственно, *что-то* из предлагаемого сегодня редукционистами, должно быть правильным. Уже само существование факта сознания кажется мне упрямой демонстрацией ограниченности объяснительных возможностей современной физической науки. Предположив, что некоторая форма материализма все же является истинной, достаточно обратиться к интроспекции самого себя, чтобы признать, что наше нынешнее понимание материи само является радикально ущербным. В начале двадцать первого столетия сознание остается для нас таким же, каким оно было для Ньютона в начале восемнадцатого столетия: оккультной силой, скрывающейся за массивом прояснений, представленных нам физикой о мире, в котором мы живем»³³.

***Каузальная асимметрия обыденного и научного представления
о мире и о себе в мире. Опозиция «перволичностников»
и «третьеличностников»***

Как мы уже писали в начале первой главы, в исходных формах, в каких он сложился в истории материалистической мысли прошлого, физикализм занимался двумя большими вопросами: природой мира и природой человеческого сознания. В XX в. с возникновением атомной физики вопрос о природе мира перешел в ведение науки, оставив философам поле эпистемологических вопросов о его познании. Среди множества вопросов этого поля появился новый вопрос — о совместимости или несовместимости двух картин мира: рисуемой на основе нашего обыденного опыта (представлений о столах, холмах, животных) и рисуемой на языке современной атомной физики. Этот вопрос обсуждали Б. Рассел, А. Уайтхед, Дж. Айер, У. Селларс и другие. Он значим и сегодня. Вопрос о совместимости или несовместимости двух типов описания мира — макрофизического и микрофизического — формулируется в виде дихотомии: «фолк-физика versus научная физика».

Аналогичный вопрос о совместимости или несовместимости научного и обыденного представления возник, хотя и несколько позднее, в связи с обсуждением природы сознания. Его постановка также была стимулирована научными исследованиями. Становление эмпирической (научной) психологии, психолингвистики, когнитивных наук, этологии, компьютерной психологии, нейробиологии и других дисциплин, занимающихся экспериментами и их теоретическим осмыслением, способствовало тому, что у проблемы природы сознания, как ранее у проблемы природы мира, появился новый эпистемологический аспект — соотношение статуса нашего обычного восприятия своего сознания (и сознания других) и статуса его научного описания («фолк-психология versus научная психология»).

Обсуждение новых тем — дихотомии фолк-физики и научной физики и дихотомии фолк-психологии и научной психологии — так или иначе сказалось на стратегиях, предложенных в рамках философии сознания XX в., в том числе на физикалистских.

В представленном нами обзоре разных стратегий мы постарались акцентировать внимание на одной из сквозных проблем, занимавших как физикалистов, так и нефизикалистов. Это проблема каузальной асимметрии нашего обыденного, субъективно окрашенного представления о своем собственном сознании («с позиции первого лица») и научного, объективного, отстраненного («с позиции третьего лица») его описания. Практически все авторы, так или иначе, фиксируют

«разрывы», «пропасти», «несоответствия», но «перволичностники» и «третьеличностники» усматривают разные причины и предлагают разные способы их устранения (или соединения). Все это не только обострило конфликт физикалистов и неодуалистов, но и вызвало диверсификацию внутри физикализма.

В связи с этим не будет лишним заметить, что трудности и изъяны в толковании асимметрии интуитивного видения самих себя «изнутри» и объективным описанием «извне» свойственны не только физикализму. Неодуализм (или дуализм свойств) тоже оказался не в состоянии непротиворечиво соединить интуитивное представление о самом себе с объективным его описанием, что приводит его к конфликту с наукой. При всех оговорках, он основывается на саморепрезентации. Между тем накоплено большое количество фактов, свидетельствующих о том, что, репрезентируя свои внутренние состояния, люди часто обманываются и что нельзя полагаться на интроспективную методологию. В концепциях Дж.Серля, Т.Нагеля, Дж.Фостера и других защитников «субъективной реальности» критики обнаруживают не меньше изъянов и аномалий, чем у «твердых» физикалистов. Апелляция к таинственным эмерджентным скачкам или надежда на прорывные открытия будущей революционной науки не воспринимаются как серьезные аргументы. Одним словом, можно сказать, что в философии сознания аномальному монизму физикализма противостоит не менее аномальный дуализм. Как образно сказал один из критиков, все альтернативные теории напоминают «швейцарский сыр с дырками».

Как бы то ни было, обсуждение асимметрии обыденного и научного представления о мире и о себе в мире неизменно выводит на понимание *объективности*. Для физикалистов установка на объективность по-прежнему остается важнейшим эпистемологическим кредо, скрепляющим его разные формы. А защита этой установки от посягательств неодуалистов, идеалистов, пансихистов и всех тех, кто склонен удваивать мир, приписывая сознанию статус дополнительной или трансцендентности, рассматривается как важнейшая *научная* миссия. Защитники «субъективной реальности» утверждают, что традиционное толкование объективности, создававшееся по образу методологии естественных наук, требует ограничения или радикального пересмотра.

Говоря об изменившейся ментальности современной философии сознания нельзя пройти мимо темы редукционизма. Образно говоря, отношение физикализма к редукционистским методам напоминает колебания маятника. Первоначальные формы физикализма, как

мы показали, оформлялись с ориентацией на возможность сведения психического к физическому. В 1970-е гг., когда развернулась критика стратегий бихевиористов, неопозитивистов и теоретиков тождества, было высказано множество аргументов о неприменимости редукции к объяснению феномена сознания. В философских теориях нарастало движение к смягчению жестких первоначальных принципов. Появление на сцене философии сознания функционализма знаменовало собой оформление «антиредукционистского консенсуса», то есть согласия относительно того, что, когда мы имеем дело с сознанием, жесткая однолинейная редукция не работает, сознание нельзя отождествлять с теми или иными материальными процессами. Термин «редукция» постепенно исчезает из словаря и заменяется термином «объяснение», имеющим более слабое значение и предполагающим не онтологическое сведение или элиминацию объекта, а его дескрипцию, прояснение, интерпретацию (генезиса, функций и др.). В последние годы маятник качнулся в противоположную сторону. В представленных учеными проектах объяснения сознания (об этом мы говорили в разделе об «Интервенции ученых») возрождается идея редукции в ее изначальном смысле сведения сложного явления к простому (битам информации, квантовым коллапсам, электрическим зарядам нейронных связей и др.). Поднятая философами антиредукционистская волна 1960–90-х гг. сменяется редукционистской волной, которая катится из научных теорий. Обращение ученых к редукционизму вполне объяснимо; все полученные наукой XX в. впечатляющие эмпирические результаты в значительной степени достигнуты благодаря применению редукционистских методов, и их авторитет трудно поколебать. Несмотря на все высказанные критические аргументы (невозможность редуцировать мысли к процессам мозга, отсутствие какого-либо прогресса в создании общей картины иерархии дисциплин, в которой психология, социология, биология или даже химия были бы сведены к физике), редукционистская методология не исчезает из арсенала тех, кто стремится к объективации сознания.

Наука versus философия. Что ждет философию сознания?

Один общий вывод из нашего обзора истории физикалистского движения состоит в следующем: философы в настоящее время оказались в более сложной идеологической ситуации, нежели несколько десятилетий тому назад. Как мы говорили, физикализму свойственна ориентация на науку, выражающаяся в том, что, во-первых, физике приписывается **онтологический авторитет** относительно того, что есть в мире, и, во-вторых, ей приписывается **эпистемологический**

авторитет, то есть она принимается за стандарт получения объективного знания. До поры до времени толкование, основанное на признании онтологического и эпистемологического авторитета физики, но уклончивое в отношении собственно «физического», позволяло философам оставлять в стороне многие сложные вопросы о связи их собственных теорий сознания с микрофизическими теориями и рисуемой физиками космологической картиной мира. Сейчас ситуация изменилась и умозрительный сциентизм физикализма поставлен под сомнение: считается недостаточным приписывать онтологический авторитет физике, нужно уметь анализировать накопленные в физике, биологии и нейрофизиологии факты и теории.

Драматизм нынешней ситуации состоит в том, что ученые, прежде всего физики, настаивают на том, что их знание об онтологии мира не нуждается в философских разъяснениях, а представленная в их теориях картина мира охватывает все, в том числе и сознание. Только в силу неразвитости науки прошлого и исторических обстоятельств культуры знамя «физикализма» оказалось в руках философов, и настало время передать его тем, кто занимается глобальными вопросами и работает с физикой мира. Главный когнитивный инструмент философов — концептуальный анализ — выполнил свою важную терапевтическую миссию по освобождению проблематики сознания от метафизики, умозрения и идеализма, однако в нынешней изменившейся научной культуре он потерял свои эвристические потенции. Он еще пригоден для решения технических и формальных задач прояснения языка, но не для объяснения сознания. Отсюда следует совет, что концептуальный анализ должен отказаться от имплицитного или эксплицитного «аристотелизма», которым он был всегда заражен. Стремление к универсальному и абстрактному определению сознания, что было связано с заикленностью на онтологическом вопросе «что такое сознание», должно уступить место другим определениям: релевантным науке, конкретным, эффективным и прагматически работающим.

Лежащая за критикой «аристотелизма» философов логика рассуждений ученых проста: экспериментальные исследования частиц, волн, полей и их каузальных отношений позволяют предсказывать те или иные новые явления и получать практически работающие результаты, обходясь без сущностного вопроса «что есть материя?». Таким же должен быть и подход к сознанию: сосредоточиться на «как-вопросе», оставив в стороне «что-вопрос», а именно «что есть сознание?». В идеале объяснить сознание — значит выявить и объяснить все его каузальные связи и отношения: какие условия конституиру-

ют сознание, какое поведение можно ожидать в зависимости от влияния различных факторов — языка, обучения, социального окружения, воздействия химических препаратов, хирургического вмешательства в мозг и т.д.

В свое время философы постпозитивистской волны (К.Поппер, Т.Кун и многие другие) много сил потратили на развенчание мифа о чистоте науки. Приводилось множество доказательств в пользу вывода, что определение учеными стратегий исследования, канонов выделения «реальных фактов», выбор теоретических инструментов, а также выдвигаемые гипотезы и используемые критерии детерминированы определенными — чаще всего не осознаваемыми ими самими — философскими посылками. Последние влияют на характер выдвигаемых гипотез, находимые «реальные факты», толкование теорий и экспериментов и на окончательные решения. То есть вывода, что без философского логико-методологического осмысления понимание научного знания всегда ущербно. Правда, в то время позицию философов поддерживали многие авторитетные физики и биологи, убежденные в актуальности философской рефлексии на поле самой физики. В настоящее время речь идет о вторжении науки в исконную проблематику философии и ее традиционное поле деятельности. Когда физики активно занялись объяснением сознания квантовыми аномалиями, информационными битами и другими новшествами, философам приходится вставать в оборонительную позицию и отстаивать права их собственной дисциплины, ссылаясь на опасности иллюзий об исключительных прерогативах науки.

Говоря об усиливающейся интервенции ученых, о ее плюсах и минусах, мы не хотели, чтобы у читателя сложилось мнение, будто все сказанное учеными о сознании сегодня воспринимается читающей публикой как истина или как более близкое к истине суждение, нежели сказанное философами. Хотя ученые строят свои теории на конкретном материале их дисциплин, реальность такова, что никаких твердых, убедительных и экспериментально подтвержденных данных в пользу той или иной теории сознания никто не представил. Поэтому общие суждения ученых о сознании нужно воспринимать за предположения, гипотезы, проекты, интересные спекуляции, но отнюдь не за доказанные истины³⁴. Язык модальности и предположительности, при широком использовании метафор, аналогий и мыслительных экспериментов, в еще большей степени присущ философским теориям. Из приведенного выше текста читатель может судить, что плюральность, альтернативность, отсутствие консенсуса в равной мере присущи и философии, и науке. Нынешнюю физику часто на-

зывают «лоскутным одеялом» противоречивых концепций и сомнительно, что такое «одеяло» выдаст одно-единственное правильное решение. А все крепнувшее убеждение, что тайна сознания интимно связана с тайной материи, учит осторожности и скромности.

В связи с интимностью «двух великих тайн» уместно привести суждение Дэвида Чэлмерса. «Проблема квантовой механики, — пишет он, — столь же трудна, как и проблема сознания. Квантовая механика дала нам поразительно успешные вычисления в предсказании результатов эмпирических наблюдений, но сделать картину мира, которую она рисует, осмысленной невероятно сложно. Чем должен быть наш мир, что делает предсказания квантовой механики столь успешными? В ответах на этот вопрос нет и намека на консенсус. Точно так же как это имеет место с сознанием, часто создается впечатление, что *ни одно* из предлагаемых решений квантовой механики не может считаться удовлетворительным»³⁵.

Новая фаза диалога, в которую вступили философия и наука, отмечена обращением не просто к вопросам правомерности или эффективности тех или иных когнитивных инструментов, а к обсуждению сути мира, его онтологии. В связи с этим напрашивается вопрос: Что ждет философию в результате вторжения науки в дискуссии о сознании? Относительно возможных перспектив высказываются разные мнения. Алармисты предупреждают о негативных последствиях альянса философии с наукой, самое реальное из которых поглощение философии сознанием наукой. Некоторые считают это естественным процессом развития знания, остановить который невозможно. Например, Джон Остин, наблюдая растущую сопряженность философии и науки в XX веке, высказался в том духе, что плодом этого «брака» было то, что философия «рожала»: она родила математическую логику и близка к тому, чтобы произвести на свет науку о языке. Но она снова «беременна». Усилия, потраченные в последние десятилетия на проблематику сознания, говорил он, вызывают подозрения, что к рождению готовится новое дитя — возможно, наука о сознании.

У сциентиста Д.Деннета менее тревожные прогнозы. Он полагает, что опасность отойти в сферу науки у нынешней философии сознания невелика. Даже в золотом веке нейрофизиологии, когда будет изучен каждый нейрон, студенты не прекратят задавать сакраментальный вопрос: «А что же такое сознание?» Он считает, что, придав ему первостепенную значимость и бросив на него мощные интеллектуальные силы, философия сознания вступила в период самоутверждения и повышения своего статуса. Хотя, конечно, имеются перспективы превращения ее в отрасль философии науки.

С нашей точки зрения, Деннет прав в том отношении, что вопрос «что такое сознание?» скорее всего, будет вечным или *mysterium tremendum*. Во всяком случае, пока вне объяснения (и возможностей) и философии, и науки остается диалектика социального и биологического, самый важный узел, где происходит «вспышка» сознания, свидетельствующая о соединении, казалось бы, несоединимого — биологического вещества мозга с языком и культурой.

Одним словом, на новом витке дискуссий о сознании появился новый расклад сил. Он характеризуется не только растущим плюрализмом философских теорий сознания, но и новым напряжением, сложившимся между наукой и философией в борьбе за приоритетность своих объяснительных стратегий.

*Можно ли говорить о прогрессе физикализма,
если тайна сознания остается тайной?*

В свете пролиферации теорий сознания, имея в виду наблюдаемую в последнее время реанимацию неодоуализма, вроде бы напрашивается вывод, что в физикалистских объяснениях сознания никакого прогресса не произошло. Это не совсем так. Конечно, «окончательного» ответа мы в них найдем, как, впрочем, не найдем его и в дуалистических, и в научных объяснениях. С нашей точки зрения, нынешнее знание еще очень далеко, если оно вообще когда-либо приблизится, от понимания, каким образом довербальная нейронная активность мозга выливается в итоге в вербальные продукты в виде семантически осмысленных высказываний. Можно только высказывать гипотезы, которые в зависимости от дальнейших исследований как сознания, так и материи могут оказаться правдоподобными или отброшенными. Тем не менее прогресс все же есть. Мне он видится прежде всего в том, что по сравнению со спекулятивными теориями прошлого имеет место *прояснение* проблемы сознания: были проведены более тонкие дистинкции; переформулированы старые проблемы и обозначено множество подпроблем; появились новые понятия и когнитивные инструменты, позволяющие проводить более разнообразную работу. Были переброшены междисциплинарные мосты и установлены более тесные контакты с наукой. Все это существенно расширило смысловое поле как философии сознания, так и философии в целом, в чем я вижу важнейший признак ее продвижения вперед.

И последнее, о чем хотелось бы сказать историку философии. Как определенное течение в философии сознания физикализм возник в рамках аналитической философии, а большинство его сторонников

так или иначе прошли ее школу. Полученная в результате аналитического тренинга когнитивная культура послужила основой, на которой дисциплина, именуемая «философия сознания», когда-то находящаяся на обочине англоязычной мысли, смогла занять авангардное место. В значительной степени благодаря проделанной философами аналитиками работе она стала самодостаточной, «самостоятельной», не испытывающей особой нужды в подпитке европейскими идеями. Ее открытость критике и чуткость к «посланиям», идущим из разных областей знания, прежде всего из науки, позволили выпрыгнуть из «языковой тюрьмы», в которую ее загнал Витгенштейн, Остин и другие лингвистические аналитики, потеснить в сторону релятивизм «концептуальных каркасов» Карнапа, историцизм Куна, оставить без внимания постмодернистские релятивистские изыски. В силу преимущественного интереса к «пазлам», а не культурно-историческим дескрипциям, аналитическая философия не прошла мимо таких колоссальных новаций XX в., как создание искусственного интеллекта, расшифровка ДНК, клонирование животных, исследования в нейробиологии и др. Она не просто «взглянула новациям в глаза» и приняла их к сведению, она переварила их. Это позволило увидеть в них множество новых философских проблем, которые остаются невидимыми для самих ученых.

Примечания

- ¹ Carnap R. Psychology in Physical Language // Logical Positivism /Ed. by A.J.Ayer, N. Y., 1959. P. 165. Ориг.: Erkenntnis, V. III. 1932–33.
- ² Skinner B. On Behaviorism. N. Y., 1974. P. 2.
- ³ Skinner B. Beyond Freedom and Dignity. N. Y., 1971.
- ⁴ Баррадори Дж. Американский философ. М., 1999. С. 45–46.
- ⁵ Русское изд.: Райл Г. Понятие сознания. М., 1999.
- ⁶ «По меньшей мере со времен Декарта центральный узел проблемы сознание/тело конституируется под давлением необходимости дать адекватное описание отношения “сырых чувств” и других ментальных актов (интенций, мыслей, желаний и др.) к соответствующим нейрофизиологическим процессам». Feigl H. Mind-Body Problem, not a Pseudo-Problem // Mind-Britain Identity Theory /Ed. by C.B.Borst. L., 1970. P. 35).
- ⁷ Smart J.J.C. Sensations and Brain Processes // Materialism and Mind-Body Problem /Ed. by D.Rosenthal. Englewood Cl., 1971. P. 55.
- ⁸ Putnam H. Minds and Machines // Dimensions of Mind /Ed. by S. Hook N. Y., 1960.
- ⁹ Putnam H. Mind, Language and Reality // Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge (MA)—L.—N. Y., 1984. P. 292.
- ¹⁰ Dennett D. Consciousness Explained. Boston, 1991. P. 434.
- ¹¹ Rorty R. Holism, Intrinsicity, and the Ambition of Transcendence // Dennett and His Critics. Demystifying Mind /Ed. by Bo Dahlbom. Cambridge (Mass.), 1993. P. 185–202.
- ¹² Рорти Р. Мозг как компьютер, культура как программа // Эпистемология & Философия науки. Т. IV. № 2. 2005, С. 28–29.
- ¹³ Churchland P.M. Matter and Consciousness. A Contemporary Introduction to the Philosophy of Mind. Cambridge (MA.)—L., 1986.
- ¹⁴ Churchland P.M. Catching Consciousness in a Recurrent Net // Daniel Dennett /Ed. by Andrew Brook and Don Ross. Cambridge, 2002. P. 65.
- ¹⁵ Davidson D. Mental Events // Philosophy as It Is /Ed. by T.Honderich and M.Burnyeat, Harmondsworth, 1979. P. 224).
- ¹⁶ Баррадори Дж. Американский философ. М., 1999. С. 64.
- ¹⁷ Слово *супервенция* (англ. supervenience) имеет латинские корни и означает «действие, возникающее как следствие чего-то другого», «следование за чем-то», «дополнение прежнего чем-то новым».
- ¹⁸ Davidson D. Mental Events // Philosophy as It Is /Ed. by T.Honderich and M.Burnyeat, Harmondsworth, 1979. P. 225.
- ¹⁹ По свидетельству Д.Чэлмерса, идея супервенности была введена в философию Дж.Г.Муром (1922). В публикациях она появилась благодаря Дж.Харе (1952). Первым, кто применил это понятие к проблеме «сознание/тело», был Д.Дэвидсон (1970). В последнее время разработанные теории супервенции представлены в работах Дж.Кима (1978, 1984, 1993), Jordan (1982, 1984, 1993), Hellman and Thompson (1975) и других (*Chalmers David John*. The Conscious Mind. In Search of Fundamental Theory. N. Y., Oxford et al., 1996. P. 361).
- ²⁰ *Krick F*. Astonishing Hypotheses: the Scientific Search for the Soul. Simon and Schuster, 1994.
- ²¹ Ibid. P. 3.
- ²² Серия состоит из следующих книг: *Edelman G*. Neural Darwinism: The Theory of Neuronal Group Selection. Basic Books, 1987; *Edelman G*. Topobiology: An Introduction to

- Molecular Embryology. Basic Books, 1988; *Edelman G.* The Remembered Present: The Biological Theory of Consciousness. Basic Books, 1989; *Edelman G.* Bright Air, Brilliant Fire: on the Matters of the Mind. Basic Books, 1992.
- ²³ *Searle J.R.* The Mystery of Consciousness. L., 1998.
- ²⁴ Consciousness: New Philosophical Perspectives /Ed. by Quentin Smith and Alexandar Jokis. Clarendon Press. Oxford, 2003.
- ²⁵ *Penrose R.* Emperor's New Mind (1989); *Penrose R.* Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness. Oxford, 1994; *Penrose R. with Shimony A., Cartwright N. and Hawkins St.* The Large, the Small and the Human Mind. Cambridge, 1997.
- ²⁶ *Пенроуз Р. Шимони А., Карптрайт Н., Хокинг С.* Большое, малое и человеческий разум. М., 2004. С. 16.
- ²⁷ Там же. С. 171.
- ²⁸ Там же. С. 177.
- ²⁹ *Putnam H.* Review of Shadows of the Mind // The New York Times Book Review. Nov. 20. 1994. P. 1.) Ответ на критику см.: *Penrose R.* Letter to The New York Times Book Review. 1994. Dec. 18. P. 39).
- ³⁰ *Chalmers D.J.* The Conscious Mind. In Search of Fundamental Theory. N. Y.—Oxford et al. 1996. P. 331.
- ³¹ *Searle J.R.* The Mystery of Consciousness. P. 87.
- ³² Ibid. P. 89.
- ³³ Consciousness: New Philosophical Perspectives /Ed. by Q.Smith and Al.Jokis. Oxford, 2003. P. 447.
- ³⁴ Кстати сказать, ученые с развитой саморефлексией или способные реагировать на философскую критику, например Р.Пенроуз и Дж.Эдельман, отдают себе отчет в спекулятивности предлагаемых ими глобальных выводов. Свои амбициозные проекты они скромно именуют «гипотезами» и «предположениями».
- ³⁵ *Chalmers D.J.* The Conscious Mind. In Search of Fundamental Theory. P. 331.